

ЕМЕЛЬЯНОВА Наталья Николаевна — к.полит.н., научный сотрудник Института философии РАН (117997, Россия, г. Москва, ул. Волхонка, 14, стр. 5; nata.emelyanova86@gmail.com)

ПЕРСПЕКТИВЫ «ГИБКОЙ ВЛАСТИ» В АЗИИ (на примере Китая и Индии)

Аннотация. Статья посвящена ключевым аспектам использования инструментов «гибкой власти» («мягкой силы», англ. – *soft power*) в Китае и Индии. Конкуренция Китая и Индии рассматривается в качестве основного фактора развертывания стратегий «мягкой силы» в современной Азии. Автор проводит анализ преимуществ КНР и Индии как особых цивилизаций в применении новых гуманитарных технологий, раскрывает основные инструменты усиления гуманитарного воздействия, лежащие в основе публичной дипломатии Китая и Индии. Отдельно рассматривается проблема эффективности кампаний по выстраиванию управляемого образа государства.

Ключевые слова: мягкая сила, гибкая власть, публичная дипломатия, региональная конкуренция в Азии, *guan shili*, Невероятная Индия, Китай

В последнее десятилетие страны Азиатско-Тихоокеанского региона тратят значительные суммы на расширение «гибкой власти» через публичную дипломатию, пытаясь оказывать большее влияние на мировую общественность [Public Diplomacy... 2011: 3]. Китай и Индия, в свою очередь, находятся в авангарде широкого использования различных инструментов «гибкой власти» в современной Азии. В немалой степени этому способствует конкуренция, возросшая между ними как новыми лидерами Азиатско-Тихоокеанского региона.

С точки зрения военной и экономической мощи потенциал Индии и Китая огромен. Так, еще в 2005 г. в специальном докладе Совета по национальной разведке США «Глобальные очертания будущего» (*Mapping the Global Future*) впервые появился отдельный раздел, посвященный усилению КНР и Индии. В докладе отмечается, что к 2020 г. международное сообщество «будет вынуждено противодействовать росту Китая и Индии в различных аспектах: военном, политическом и экономическом»¹. В новых докладах этой ключевой структуры разведывательного сообщества США, выходящих с периодичностью 1 раз в 4 года, усиление Китая и Индии продолжает выступать значимой тенденцией будущей мировой политики.

В контексте парадигмы «гибкой власти» КНР и Индия, равно как и Россия, относятся к странам «второй волны», применяющим новые гуманитарные технологии. Поэтому перед ними нередко стоят схожие репутационные проблемы, связанные с устойчивыми стереотипами (несоблюдение прав человека, коррупция, плохая управляемость и пр.), которые нередко задают преобладание негативного ньюслайна и формируют агрессивный образ страны, предпочитающей жесткие методы воздействия и давления на мировую общественность.

Есть у обеих стран и определенные преимущества, связанные с различными аспектами цивилизационного развития, среди которых можно отдельно выделить:

– особенности восточно-интуитивного стиля мышления (образно-чувственное восприятие и художественное видение мира, особые эмоциональность и целостность, изначально присущие Востоку), которые помогают китайским и индийским специалистам эффективно подбирать и транслировать нужные образы и смыслы;

– масштабность культурно-исторического наследия: этот фактор выходит на первый план в современных технологиях *soft power*, обеспечивая серьезное конкурентное преимущество;

– отсутствие серьезного кризиса идентичности, что позволяет самым серьезным образом сосредоточиться на внешних коммуникациях.

¹ Mapping the Global Future. 2005. Report. URL: http://www.dni.gov/files/documents/Global%20Trends_Mapping%20the%20Global%20Future%202020%20Project.pdf (accessed 15.03.2015).

Говоря о первых попытках Китая и Индии обратиться к инструментарию «гибкой власти», следует отметить так называемую теннисную, или пинг-понговую дипломатию, которая способствовала восстановлению отношений между США и КНР. Индия, в свою очередь, многое сделала для развития движения антиколониализма в АТР.

И все же акции с применением технологий «гибкой власти» в Азии во второй половине XX в. носили фрагментарный характер. В этой связи корректным видится утверждение о том, что азиатские страны во второй половине XX в. в большей степени выступали объектами публичной дипломатии, нежели ее субъектами. Сложившуюся ситуацию кардинальным образом изменил Китай, в котором с конца 1990-х гг. была инициирована системная работа по применению новых гуманитарных технологий.

К использованию во внешней политике принципа *ruan shili* – как именуют «гибкую власть» в Китае – Компартию КНР подтолкнули две основных причины. Первая причина была связана с внешними факторами, а именно с широким распространением идей о китайской угрозе, выразивших в первую очередь тревогу западных стран относительно возрастающей экономической и военной мощи Поднебесной. Рассуждения на тему «новой красной угрозы» стали столь популярными в 1990-е гг., что американский политик Пол Вулфовиц и вовсе проводил аналогии между усилением Китая XXI в. с усилением фашистской Германии XX в. [Wolfowitz 1997]. Вторая причина касалась осмысления политическим истеблишментом и экспертным сообществом Китая причин краха СССР. Китайские специалисты обратили серьезное внимание на ту роль, которую сыграли технологии «гибкой власти» в идеологической борьбе: оказалось, что растиражированный американский образ жизни оказался для сотен миллионов людей гораздо привлекательнее советских идеалов, в т.ч. среди советских граждан. Поскольку в этом преломлении «гибкая власть» тесным образом связана с идеей «мирной эволюции» коммунистических (в более широкой трактовке – всех недемократических) режимов, ведущий американский синолог Дэвид Шамбо даже отмечает, что для китайской элиты это понимание продолжает оставаться сверхценной идеей [Shambaugh 2008: 74-75].

В определенной степени вынужденный шаг Китая, переросший в активную имиджевую политику, практически не оставил другим азиатским странам выбора. Так, Япония стала «прекрасной» (кампания *Beautiful Japan*), Корея – «динамичной» (кампания *Dynamic Korea*), а Малайзия теперь претендует на статус «настоящей Азии» (кампания *Malaysia truly Asia*). Индия также практически сразу вслед за пионером «гибкой власти» в Азии Китаем озадачилась формированием собственной стратегии в «гибкой власти».

В таблице 1 систематизированы основные организационные меры, принятые Китаем и Индией в рамках развития публичной дипломатии.

Помимо представленных в табл. 1 инструментов, следует отметить, что для Китая в обычную практику также вошло создание в период крупных мировых форумов (G20, АТЭС, саммиты ШОС, БРИКС и др.) специальных информационных центров, в задачи которых входит поддержка заседаний с участием китайских представителей, разъяснительная работа по поводу сделанных на мероприятиях официальных заявлений, а также общего внешнеполитического курса страны. Более того, став организатором Олимпийских игр в Пекине в 2008 г. и принимающей страной всемирной выставки Экспо-2010 в Шанхае, Китай получил важный опыт по организации спортивных и экономических событий мирового уровня.

Индия идет след в след, активно работая над притягательностью своего образа в рамках всемирных экономических форумов в Давосе. Кроме того, к заслугам индийских специалистов (таких как Амиабх Кант, Вишьяпратх Сунил, Лина Нандан) следует отнести построение одного из наиболее эффективных государственных брендов Азии за последнее десятилетие – туристического бренда «Невероятная Индия» (*Incredible India*), успехи которого впоследствии были интегрированы в индийскую стратегию «гибкой власти». В частности, креативные решения *Incredible India* легли в основу кампании *India@60*, прошедшей в Нью-Йорке с 23 по 26 сентября 2007 г.

В это же время проходила сессия Генеральной ассамблеи ООН, что предоставило широкие возможности для демонстрации демократического и инновационного потенциала страны перед мировыми лидерами и представителями высших бизнес-кругов [Емельянова 2013].

Относительно финансовых затрат на реализацию стратегий «гибкой власти» официальной информации ни в Индии, ни Китае нет. Тем не менее в индийской прессе появлялись сообщения о том, что ежегодный бюджет на развитие публичной дипломатии в Китае составляет несколько миллиардов долларов, называлась

Таблица 1

Основные инструменты усиления гуманитарного воздействия, лежащие в основе новой публичной дипломатии Китая и Индии

Инструмент публичной дипломатии	Китай	Индия
1	2	3
Специальные государственные институты по вопросам публичной дипломатии	2004 г.: в министерстве иностранных дел КНР сформировано Управление по делам публичной дипломатии, основной целью которого заявлена реализация концепции «мирного подъема и мирного роста».	2006 г.: в министерстве иностранных дел Индии сформирован отдел по вопросам публичной дипломатии.
Функционирование сети институтов, использующих культурные связи для интеграции в глобальное сообщество	Мировая сеть институтов Конфуция функционирует с 2004 г. Действует по аналогии с похожими международными проектами, такими как институты Гете или Сервантеса. Координируется в Пекине организацией Ханьбань (Государственная канцелярия по распространению китайского языка за рубежом). В настоящее время институты Конфуция осуществляют свою деятельность в более 100 странах мира, включая Россию.	Соответствующие функции выполняют модернизированные в течение нулевых годов Индийский совет по культурным отношениям и Индийский совет по международным отношениям при МИДе Индии. Масштабы их деятельности пока несопоставимы с китайской системой.
Взаимодействие с экспатриантами и представителями диаспоры	Большое значение в построении связей с экспатриантами в КНР играет древняя китайская традиция, которая крайне лояльно относится к китайской диаспоре за рубежом (хуацяо), считая их и их потомков, несмотря ни на что, гражданами Китая, лишь в силу обстоятельств вынужденных находиться вдали от дома. В современном Китае действуют 5 основных структур, в компетенцию которых входит взаимодействие с хуацяо по различным вопросам: Комитет ВСНП (Всекитайского собрания народных представителей) по делам хуацяо, канцелярия Госсовета по делам хуацяо, Комитет по связям с Сянганом, Аомэнем, Тайванем и хуацяо ВК НПКСК (Всекитайского комитета Народного политического консультативного совета Китая), партия Чжигундан, Всекитайская ассоциация реэмигрантов [Анохина 2012].	2004 г.: сформировано специальное Министерство Индии по делам зарубежья (<i>Ministry of Overseas Indian Affairs – MOIA</i>), основными задачами которого являются: — оказание помощи (юридической, медицинской) и поддержка соблюдения прав представителей индийской диаспоры; — информирование экспатриантов, их потомков и всех лиц, интересующихся развитием современной Индии, о достижениях новой Индии посредством конференций, семинаров крупных мероприятий. Одна из наиболее известных и масштабных инициатив <i>MOIA</i> совместно с Конфедерацией индийской промышленности — <i>Pravasi Bharatiya Divas</i> (Дни индийцев за рубежом).

1	2	3
<p>Формирование медийных каналов мирового уровня</p>	<p>Активная модернизация и реорганизация китайских СМИ началась после Олимпиады 2008 г. в Пекине. Ведущие СМИ КНР переходят на новые стандарты вещания: это холдинг «Жэньминь Жибао»; ИА «Синьхуа»; <i>China Radio International</i>; <i>Beijing's CNTV</i>. Вывод китайских СМИ на международный уровень курирует ключевой идеолог, член Политбюро Компартии КНР Ли Чанчунь.</p>	<p>В отличие от Китая, большинство индийских СМИ находятся в частных руках. Этот факт создает определенные сложности для формирования медиасети мирового уровня. Пожалуй, единственную глобальную систему подобного рода власти Индии пытаются выстроить в рамках <i>All India Radio</i>. В то же время Индия эффективно работает с технологиями <i>Web 2.0</i> и социальными сетями. Все структуры, занимающиеся вопросами публичной дипломатии, широко представлены в Интернете. К примеру, Министерство Индии по делам зарубежья благодаря возможностям социальных сетей сумело организовать устойчивые каналы обратной связи с экспатриантами индийского происхождения, проживающими в США, Канаде, Фиджи, Малайзии, Мавритании, Сингапуре, ОАЭ, ОАР и др. [Hall 2012: 1103].</p>
<p>Программы образовательного обмена (основная целевая аудитория – студенты и молодые ученые из других стран Азии и Африки)</p>	<p>За последние 5 лет Китай расширил форматы и финансирование образовательных программ для перспективных студентов и молодых ученых. Данные вопросы в основном находятся в ведении Китайского государственного комитета управления фондом иностранных студентов и стипендиального совета при Министерстве образования КНР (<i>Chinese Scholarship Council</i>).</p>	<p>В настоящее время обновляются возможности Индийской программы технического и экономического сотрудничества (ПТЕС) для предоставления иностранным гражданам различных программ повышения квалификации.</p>

даже конкретная сумма в 9 млрд долл. США¹. Представляется, что затраты Индии в этой сфере несколько скромнее.

Остановимся подробнее на целях и мотивах влияния на мировую общественность, требующие столь значимых усилий как со стороны Китая, так и со стороны Индии.

Без сомнения, со стороны Китая, это *миролюбие* – желание совместными усилиями создавать будущее народов мира. Мирный подъем и мирный рост были заявлены в качестве внешнеполитических концепций Китая в противовес идеям о китайской угрозе. Мировое братство как центральная идея было взято Пекином за основу во время проведения Олимпиады-2008. «Один мир – одна мечта», – гласил ее слоган. Вокруг схожей идеи в 2009 г. строилась и более прагматичная программа Министерства торговли Китая – первая рекламная кампания для продукции с лейблом *made in China*. Ни для кого не секрет, что Китай, который нередко сравнивают с «фабрикой мира», производит продукцию для известных брендов. Поэтому центральной темой кампании, направленной против стереотипа о плохом качестве китайских товаров, стало утверждение: «сделано в Китае: сделано вместе со всем миром». Конечно, усиление Китая в наши дни продолжает вызывать тревогу, но на другой чаше весов оказывается желание видеть сильный Китай вместе с миром, а не против него. На осознании этого и строится стратегия «гибкой власти» КНР.

¹ Rahman S. Slouching Tiger. Racing Dragon. – *India Today*. 03.10.2013. URL: <http://indiatoday.intoday.in/story/slouching-tiger,-racing-dragon/1/103941.html> (accessed 15.03.2015).

Индийские специалисты понимают, что ахиллесова пята Китая — его политическая система, поэтому акцент делается на образе Индии как молодой демократии, способной стать «благородным гегемоном» в Азии. После фальстартов и обидных пробуксовок 60–80-х гг. Индия сегодня шагнула за рамки лидерства в Южной Азии. В то же время в мировом восприятии Индия остается в тени своего пока что более мощного соседа. Однако это своеобразное «теневое» положение в чем-то играет Дели на пользу. К примеру, обе страны обладают ядерным оружием, находясь вне рамок ДНЯО. Но мировые СМИ гораздо чаще акцентируют внимание на ядерной угрозе Китая, в то время как ядерный потенциал Индостана обсуждается менее активно, несмотря на то, что Дели, так же как и Пекин, выступает с последовательной критикой документа, добиваясь признания своего ядерного статуса.

Недавно Джим О'Нил, впервые объединивший название четырех наиболее перспективных развивающихся стран в звучную аббревиатуру БРИК (позднее расширенную до БРИКС), в интервью немецкой газете *WirtschaftsWoche Heute* сенсационно заявил, что Индия во второй половине этого десятилетия может стать «новым Китаем»¹. Конечно, он имел в виду экономический потенциал, но в области «гибкой власти» Индия, несомненно, уже многое сделала сейчас.

Однако при всех успехах «мягкого обаяния» Китая и Индии открытым остается вопрос оценки эффективности использования технологий «гибкой власти». Социальные опросы последних лет относительно восприятия действий обеих стран на международной арене дают противоречивые результаты. Так, авторитетные отчеты компании *Globe Scan*, подготовленные специально для Всемирной службы новостей BBC в период с 2005 по 2011 г., показывают, что общественное мнение в мире относительно усиления Китая и Индии колеблется, при этом наметилась негативная тенденция (особенно в отношении Китая). Правда, среди азиатских стран она не столь критична [Hall, Smith 2013: 6–10].

Действительно, низкая корреляция (нередко граничащая с полным ее отсутствием) между финансовыми затратами на кампании по продвижению имиджа государства и планируемыми результатами в восприятии общественного мнения — одна из центральных проблем оценки эффективности политики государств в области «гибкой власти». Основоположник брендинга территорий Саймон Анхольт, рассматривающий государство как бренд, подводя в 2006 г. итоги своего проекта *Anholt Nations Brand Index*, также был вынужден констатировать похожую закономерность, а именно отсутствие существенной связи между динамикой стоимости национальных брендов и расходов на кампании по позиционированию и продвижению имиджа государств.

Следует также обозначить ряд трудностей в построении эффективной имиджевой политики государства. Во-первых, это достаточно длительный процесс, объективные оценки которого можно давать через десятилетия после начала системной работы. Во-вторых, сложности возникают в отслеживании изменений в ценностных системах и порождаемых ими смыслах (как в своей стране, так и в других странах): неверная или недостаточная аксиологическая интерпретация автоматически ведет к провалу кампаний по выстраиванию управляемого образа государства.

Наконец, «гибкая власть» — это власть, в не меньшей степени стремящаяся побудить других людей к определенным действиям, как и другие разновидности власти. Нужным образом сформированное общественное мнение внутри страны может оказывать воздействие, по масштабам не уступающее военным угрозам или экономическому давлению извне. Азиатские лидеры осознают эту опасность «мягкого обаяния», когда оно направлено на их страны. Вот почему технологии «гибкой власти» не могут полностью снять напряженность в современных международных отношениях, хотя подобные надежды с ними и были связаны ранее. С другой стороны, осознание того, что «мягкая сила» при всех ее недостатках все же расширяет возможности неприменения реальной жесткой силы, сохраняет ценность этого

¹ O'Neill J. Europa hat schlechte Aussichten. — *WirtschaftsWoche Heute*. 10.11.2014. URL: <http://www.wiwo.de/politik/konjunktur/jim-oneill-europa-hat-schlechte-aussichten/10949536.html> (accessed 23.03.2015).

направления политической активности в глазах политического истеблишмента Индии и Китая.

Итак, Китай и Индия, обладая серьезными лидерскими амбициями в современном мире, готовы расширить двухкомпонентную трактовку силы (военная мощь и экономический потенциал), что они и демонстрируют благодаря широкому развитию публичной дипломатии и использованию инструментов «гибкой власти».

Конкурентная составляющая индо-китайских интеракций сбалансирована двумя важными факторами: во-первых, стремлением снизить напряженность в регионе, несмотря на разворачивающееся соперничество, и, во-вторых, расширенным поиском стратегических партнеров на мировой арене в рамках политики взаимного сдерживания. Эти аспекты делают работу с мировым общественным мнением важным элементом политики и Индии и Китая, формируя условия для дальнейшего развития технологий «гибкой власти» в Азии.

Список литературы

Анохина Е.С. 2012. Система организации работы по взаимодействию с зарубежными китайцами в КНР. – *Вестник Томского государственного университета*. № 362. С. 65-68.

Емельянова Н.Н. 2013. Incredible India (Невероятная Индия). – *Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта*. М.: Международные отношения. С. 197-219.

Hall I. 2012. India's New Public Diplomacy. – *Asian Survey*. Vol. 52. No 6. P. 1089-1110.

Hall I., Smith F. 2013. The Struggle for Soft Power in Asia: Public Diplomacy and Regional Competition. – *Asian Security*. Vol. 9. № 1. P. 1-18.

Public Diplomacy and Soft Power in East Asia (ed. by S.J. Lee, J. Melissen). 2011. N.Y.: Palgrave. 279 p.

Shambaugh D. 2008. *China's Communist Party: Atrophy and Adaptation*. Berkeley, Washington: UC Press, Woodrow Wilson Center Press. 256 p.

Wolfowitz P. 1997. Bridging Centuries – The Fin De Siècle All Over Again. – *The National Interest*. 47. P. 3-9.

EMELYANOVA Natalia Nikolaevna, Cand.Sci.(Pol.Sci.), Research Fellow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences (14, bld 5, Volkhonka St, Moscow, Russia, 117997; nata.emelyanova86@gmail.com)

PROSPECTS OF SOFT POWER IN ASIA (the example of China and India)

Abstract. The central aspects of soft power application in China and India are in the certain focus of this article. The regional competition between China and India is considered as the main determinant of soft power strategies in Asia. China's and India's actions in the sphere of soft power technologies are analyzed with respect to the civilizational identity. A special consideration is given to the issue of the states' activity in the image making process and its efficiency.

Keywords: soft power, public diplomacy, regional competition in Asia, ruan shili, Incredible India, China